И. Г. Васильева

**ЧОЙДЖИ НГАВАНГ ПУНЦОГ И ЕГО УЧАСТИЕ
В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ХАМБО-ЛАМ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (материалы к жизнеописанию)**

В статье описывается этап формирования института хамбо-лам в Бурятии начала XVIII в. Представлена и аргументированно подтверждена позиция о важности роли Чойджи Нгаванг Пунцога в становлении буддизма как религиозного института в России. Также показана взаимосвязь политических интересов российской власти в укреплении границы с Китаем и Монголией и поддержкой, оказанной тибетским и монгольским ламам, прибывшим в начале XVIII в. в Россию и ставшим наставниками формирующегося бурятского духовенства. Исторический анализ проведен на основании научных работ и архивных документов.

Ключевые слова: Российская империя, Бурятия, тайша, пограничные территории, буддизм, лама, гелонг, институт Хамбо-лам, духовенство, дацан.

I. G. Vasilyeva

**CHOIGI NGAWANG PUNTSOG, HIS PARTICIPATION IN THE
FORMATION OF THE INSTITUTION OF KHAMBO-LAMA OF
EASTERN SIBERIA**

The article describes the formation stage of the Khambo-lama institution in Buryatiya at the beginning of the 18th century. The important role of Choigi Ngawang Puntsog in the establishment of Buddhism as a religious institution in Russia was presented and argued. The article also shows correlation of the Russian authorities' political interests and their support provided to the Tibetan and Mongolian lamas who arrived in Russia in the early 18th century and became mentors to the forming Buryat clergy. Historical analysis was carried out on the basis of archival documents and scientific papers.

Keywords: Russian Empire, Buryatiya, taisha, frontier territories, Buddhism, lama, gelong. Khambo-lama institution, clergy, datsan.

Хамбо-ламы... умно и искусно ведут дела своего маленького государства...

Нигде прихожане не питают такого глубокого уважения
к своим пастырям, как буряты к своим ламам.

[Сибирский наблюдатель 1902: 80]

Оформлению так называемого «института Хамбо-лам» в современном его облике предшествовали отдаленные события, прямо связанные с миграцией монголов и тибетцев в пределы Российской империи и получением детьми бурятской знати буддийского образования в Тибете, где, по замечанию Э. Ухтомского, «воспитывались не два-три лица, а больше» [1904: 9].

Известно, что первым или одним из первых лидеров «российских» буддистов был тибетец Чойджи Нгаванг Пунцог (ок. 1670–1758). Его судьба связана с чингисидом Окином-тайшой. Рагузинский¹ отблагодарил Окина за помощь, продемонстрировав остальным переселенцам, сколь выгодно сотрудничество. Коллегия иностранных дел на рапорт графа отреагировала оперативно. 14 июня 1729 г. был готов патент бурятскому тайше Лубсану об утверждении в этом чине и назначении ему жалованья за участие в работах по разграничению. «Наш верноподданный Цын-голова роду тайша Лупсан... показал верную и усердную в высоких наших интересах службу в письменной корреспонденции и был в разъезде по разграничению с камисаром Ив. Глазуновым. За верную ево службу и за службу ж отца ево Окин-зайсана... он пожалован чином тайшею и учинено тогда ему и наследником ево жалованья по 20 рублѣв на год (из кяхтинских доходов)» [АВПРИ. Ф. «Сношения России с Китаем» 1729: 291–291об.].

В. П. Гирченко писал, что старший сын Лубсана-тайши был главой цонголов с 1723 по 1736 г. Это тот «тайша, который прежде был монгольским ламой, но чтобы иметь возможность жениться, сложил сан ламы и в настоящее время держит при себе монгольского ламу... Этот лама-гелюн при Лубсан-тайше был Агван Пунцук, появившийся в Забайкалье в 1694 г. вместе с цонголами» [Гирченко 1939: 20]. Встречаются упоминания о времени их появления в селенгинских степях в 1692 г. Большая группа тибетских лам появилась в Халхе, когда в 1651 г. вернулся из Тибета объявленный перерождением Таранатхи Гунги Ньинбо второй сын халхаского Тушету-хана из рода Чингисхана. Далай-лама Пятый титуловал его Джебзун-Дамба-хутухтой и провозгласил главой буддистов Монголии. Междоусобицы терзали и ослабляли страну, которой был жизненно необходим лидер. С перерожденца Джняна-ваджры – великого Занабазара, почти-тельно именуемого Ундур-гэгэном, пошла линия монгольских хутухт.

В хронике сказано, что ламы – тибетцы и монголы – на российскую территорию зашли из Монголии: «В 1676 году из-за «смуты, посеянной Бошокто-ханом, из Урги прибыли сюда 150 тибетских и монгольских гэлонгов, которым народ

¹ Савва Лукич Владиславич (1669–1738), босниец по рождению, был тайным агентом российских послов в Константинополе, негоциант. Именно он купил и подарил Петру I абиссинца Ибрагима Ганнибала (прадеда Пушкина). Петр ценил заслуги смелого, находчивого и очень умного дипломата. Пожаловал ему дом в Москве, несколько деревень. От Рагузинской республики Савва Лукич получил диплом на графское достоинство. Екатерина I пожаловала его в действительные статские советники и направила послом в Китай для уточнения и укрепления существующих границ, где он немало преуспел к вящей славе державы.

начал поклоняться как представителям драгоценной и высокой религии» [Дандарон 2006: 27].

Бурятские летописи говорят: «монах из Чжонэ». Вероятно, это означает, что он из древнейшего в княжестве Амдо монастыря Джонэ-Гончен (основан в 1295 г.), славившегося лучшими изданиями «Ганчжура» и «Данчжура». Уроженцы мест, откуда был Чойджи Пунцог, по свидетельству современников, отличались особой статью, говорили на своем наречии, образ их жизни и быт были схожи с китайскими.

1712 год отмечен хронистами как время появления 150 беженцев – тибетцев и монголов, в числе которых, предположительно, мог быть и монах из Амдо. Летописец Т. Тобоев указывает, что Пунцог прибыл в 1741 г., и тоже скорее неверно [Тобын 1995: 20]. В ГАРБ есть дела о ламах-перебежчиках, где пишется об «индейнах», которыми названы тибетские ламы, попавшие в Забайкалье через Монголию [Цыбенков 2011: 12].

А. Терентьев, со ссылкой на неопубликованную статью Локеша Чандры, замечает, что, согласно многим другим источникам, монголов было 100 человек, а тибетцев – 50. Что «эти 50 лам были изгнаны из Гоман-дацана на общем собрании 1720 г. и, уйдя на север, по дороге побратались с сотней монголов, которые пошли в Бурятию вместе с ними» [Васильева 2005: 128 (прим.)]. В летописи, переведенной Ц. П. Ванчиковой, событие описано подробнее: «50 тибетцев были из Барун Джу. После обучения в течение года и окончания курса отмечали *gling-khas-don-mo* в монастыре Гоман; по причине джунгаро-ойратских беспорядков были вынуждены покинуть монастырь и отправились распространять учение в окраинных землях. Сто монголов познакомились с ними и в силу прежних кармических благопожеланий ощутили духовную связь, став их проводниками. Говорят, что они объединились и подружились для того, чтобы распространять религию» [Краткая история шести отоков 2011: 176]. Событие, растянутое во времени, описано как одномоментное.

1728 год. По представлению графа Рагузинского в согласии с Высочайшим правительственным решением, тибетца Агвана Пунцока определили главным ламою селенгинских и хоринских бурят [Юмсунов 1995: 43]. Другой летописец подтверждает: «соржо Агван Пунцук тангутского рода был произведен в главные ламы селенгинских и хоринских бурят» [Тобын 1995: 15]. Выбор Рагузинского был не случаен. Агван Пунцок входил в окружение Окина-тайши, пользовавшегося расположением пограничной администрации и графа, рекомендации которого не оспаривались. В ставке цонгольского тайши к тибетскому монаху прислушивались. Автор блестящей работы «Буддизм и империя» Н. В. Цыремпилов цитирует «Православный собеседник»: «Местное начальство с радостью ухватилось за эту идею, полагая в ней единственное средство прекратить всякую связь с Монголией. В тот исторический период дела сибирских ламаитов находились в непосредственном ведении министерства иностранных дел. Сибирь сначала зависела от Посольского приказа больше, чем от областного (ради “береженья от

Китая”) ... Только так можно объяснить, почему особую привилегию между прочими забайкальскими ламами позволили иметь даже не туземцу, а тибетцу Агвану Пунцуку. Именные списки 150 прибывших лам предоставили через МВД Е. И. Величеству для признания за ними прав» [Ухтомский 1904: 10].

1730-е гг. «Ламы создали неподвижный религиозный центр... Буряты отовсюду стали собираться сюда. Первенствовавший среди них Агван Пунцук» [Там же: 13] был первым настоятелем Цонгольского дацана [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 408. Л. 48]. В Россию он перебрался, имея степень гэбши, т. к. сказано: «гэбши Агван-Пунцок из Амдоского монастыря Чжонэ» [Ванчикова 2006: 47]. На 1732 год как время официального возвышения ламы указывала К. М. Герасимова, не сославшись на источник.

1735 г. Летом участники Великой Северной экспедиции 1733–1746 гг. И. Г. Гмелин, Г. С. Миллер и астроном Л. Делиль де ла-Кройер договорились встретиться в Селенгинске. Миллер возил с собой часть ксилографа на тибетском языке из библиотеки заброшенного монастыря Аблай-хит. Французские ученые братья Фурмон не преуспели в переводе, но Миллер не оставлял попыток. Любопытство ученого унялось, когда «в роли туземного переводчика выступил знаменитый цоржи-лама Агван Пунцок» [Синицын 2013: 441].

В начале XVIII в., по мере того как великие державы выстраивали и уточняли границы, местная администрация взяла жесткий курс на ограничение контактов новых граждан с родственниками и друзьями по другую сторону границы. С мая 1724 г. Савва Рагузинский интенсивно готовится к переговорам с китайцами. Работает с архивами; геодезисты (картограф Михаил Зиновьев и геодезист П. И. Скобельцын) срочно составляют для него полные карты. В письме из императорской походной Посольской канцелярии (27.06.1729 г.) китайской экспедиции съемку производить поручено, кроме Петра Скобельцына, помощникам – боярскому сыну А. Попову и баргузинскому эвенку Воронею Ягилкину. В июне очень кстати тысяча монголов запросила российского подданства. Граф вел переговоры уже не в опасном для жизни Пекине, а на границе. Разграничение проводили по принципу «каждый владеет тем, чем владеет теперь». Умело манипулируя, склонил на свою сторону тайшу Галдана, ставшего двойным агентом; удалил от границы дядю императора и, наконец, скрытно подтянул тобольский гарнизон. Оставаясь еще проницаемой, граница укреплялась. «В 1726 году сентября 15 дня по приговору высокого сената велено по доношениям действительного статского советника графа Владиславича и сибирского губернатора Долгокурова, для опасности с китайской стороны пограничные города палисадами укрепить и рвами окопать, и чтоб он, Владиславич, по своему рассуждению, к пользе государственной, для осторожности учинил. Ежели в которых пограничных городах имеется артиллерии довольно число, а в других городах нет и надлежит быть, нужно, чтоб из тех городов перевести артиллерию в нужнейшие места... чтоб не токмо для обороны, но и порядочных торгов и пошлинного сбора и пресечения неявленным товарам провозов служили» [Сергеев 1989: 34–35].

3 марта 1740 г. селегинского коменданта И. Д. Бухгольца¹ отозвал иркутский вице-губернатор Л. Ланг. На смену ему пришел В. В. Якоби. Л. Ланг распорядился так: «яко древен и в ногах болезнь имеет, того ради Бухгольца оттуда возвратить, а туда здорового человека его же характера послать» [Никитин 2004: 50].

5 марта 1741 г. «Коллегия иностранных дел России дала разрешение на возведение Хилгантуйского дацана» [Жалсараев 2011: 76]. 1741-й год ознаменовался для А. Пунцога и его сподвижников получением от коллегии иностранных дел разрешения «на перенос главнейшей по значению кумирни на речку Чикой в урочище Хилгантай» [Ухтомский 1904: 13].

Под руководством опытного и заинтересованного наставника Заяев осваивал необходимые администратору приемы управления. В 1752 г. его выбрали ширетум; при этом основное руководство оставалось за пожилым тибетцем. Если он перебрался в Россию в 1692–1694 гг., будучи гелоном (т. е. в возрасте 20–24 лет), то возможно предположить, что он родился около 1670 г.

Сам Заяев сообщает: «В 1745 году, по нашему летосчислению – в рабчжуне “тело”, в год деревянной коровы с тремя синими мэнгэ, гелон Агван Пунцок, чойджи-лама из амдосского монастыря Чжонэ, вместе с почтенными жителями Цонгольского аймака, взяв денежные средства и скот из общей ламской казны, построили для молебнов деревянный храм. Несколько лет служили молебен в храме» [Сказание... 2011: 187].

Ламы решили строить дацан по образцу храма в Самье или Дрепунге. В «Кратком житии Великого боддхисаттвы» записано, что Заяев «по совету драгоценного Цоржи-ламы задумал построить храм, подобный храмам Тибета» [Ванчикова 2006: 51], и что «гэбши Владыка Учения Агван Пунцок взял на себя ответственность по сбору подношений верующих, и люди цонгольского рода... возвели деревянный дацан» [Там же: 47]. Прежде же все хорошо обдумали, подсчитали силы, средства и обратились с письмом к новому коменданту В. В. Якоби². Прошение от 1741 г. ушло из конторы Селенгинска в Иркутск и далее в То-

¹ При Иване Даниловиче Бухгольце (селенгинский комендант с 13.03.172. по 1740 г.) «состоял еще и один мунгальский тайша, богдыханский полковник Галдан – племянник самого некогда грозного Очирой Сайн-хана. Этот семидесятилетний князец, по старости своей зело мунгалами почитаемый», хотя и присягнул на верность России, оставался китайским данником и даже состоял на службе у богдыхана. Такое положение позволяло ему быть тайным осведомителем графа Саввы Рагузинского о возможных китайских подвохах во время переговоров, каковая шпионская в пользу России деятельность принесла ему многие подарки, годовое жалованье в двадцать рублей и особое попечение Бухгольца, продолжать оказывать тайные услуги которому он присягою был обязан «во всяком случае и нужде со всею верностью» [Лихач 1908: 564].

² Варфоломей Валентинович Якоби (06.08.1693–12.12.1796). Кавалергард, служил с 1711 по 1740 г. В марте 1740 г. в звании бригадира служил селенгинским комендантом до 1768 г. Будучи воеводой, он правил канцелярией. 22.09.1762 г. получил орден Св. Анны.

больск. Построили дацан без официального разрешения, т. к. прошение годы ходило по инстанциям. Чикойское управление Селенгинского уезда безуспешно слало запросы вплоть до Тобольской губернской канцелярии. В 1753 г. «главный над всеми ламами Агван Пунцук и Дамба Даржа Заягин посоветовались и подали правительству прошение относительно строительства деревянного дацана. Предварительное разрешение Чикойского управления № 1780 датировано 23 ноября – строить по образцу дацана Далай-ламы Сонгольский дацан Галдан Брайбулинг» [Юмсунов 1995: 44].

В. В. Якоби утверждает штат из 6 ширетуев по одному в сумэ монастыря и ставит над ними Нгаванга Пунцока. Сказано, что «в 1758 году получен Указ от губернатора Симуква из Тобольска, разрешающий строительство дацана» [Ванчикова 2006: 44]. Пришло разрешение и от Коллегии иностранных дел. В хрониках и иных источниках относительно даты этого события ясности нет. Известно, что Якоби в 1758 г. разрешает «ремонт обветшавшей кумирни с прибавлением новых покоев». Старились прежде возведенные радением ламы дуганы, взамен возводились новые (под видом ремонта, как следует из расплывчатой фразы о пристрое). Монастырь постепенно развивался и рос, а труды ламы Пунцока близились к завершению, равно как и жизнь.

Тугулдэр Тобоев указывает 1757-й как год смерти ламы [Тобын 1995: 15] и передачи его полномочий Заяеву. Юмсунов же пишет: «после кончины главного ламы Агвана Пунцока Заягин 10 января 1764 г. утвержден в должности главного ширетуя» [1995: 44]. Заслуживают доверия записи С. А. Успенского, сотрудника Кяхтинского краеведческого музея: он встречался и беседовал с Хамбо-ламой Мункожаповым и бывшим хамбо Бониевым. В рукописи Успенского: «после Пунцока, умершего в 1758 году, ширетуем Цонгольского дацана и главным ламой был назначен лама Цзаяев, утвержденный в этом звании в 1764 году» [Гусинозерская экспедиция 2016: 42]. Примем 1758 год как время кончины ламы-тибетца.

В «Краткой истории шести отоков и восьми отцов» есть упоминание, касающееся Пунцока: «Санчжа-лама отправился в Хулун, тангут Агван Пунцок нойон-лама в Бултумур, и начали строить дацаны» [Краткая история шести отоков... 2011: 167]. Это происходило в промежутке между 1710 и 1740 гг., когда, как зафиксировано в летописях, Санчжа-лама умер. Время и внимание мудрый лама отдавал заботам не только о Цонгольском, но и о дацанах других родов. Среди прибывших тибетских лам (предположительно, немногим больше тридцати человек) именно «Агван Пунцок и Лубсан Ширап пользовались славой лекарей»

В сентябре 1768 г. подал прошение об отставке, уйдя в чине генерал-поручика с пенсией. Прожил 76 лет, похоронен в Селенгинске. В 1772 г. из Селенгинска с семьёй уехал сын Иван, секунд-майор, ставший позднее генерал-губернатором Иркутским и Колыванским. «Якоби нажил тут такие богатства, которых хватило и дочери, и внукам, и правнукам, – множество деревень, тысячи крепостных душ, дома в разных городах России» [Бараев 1990: 210].

[Аюшеева 2007: 40], что, естественным образом, привлекало симпатии не имеющего какой бы то ни было иной медицинской помощи населения.

Прозорливость графа Рагузинского сослужила хорошую службу. Она дала (по замечанию Э. Ухтомского) «могучий толчок» формирующейся тенденции [Ухтомский 1904: 9]. Н. В. Цыремпилов, ссылаясь на «Православный источник», пишет, что пожелание селенгинских родовых глав совпало со взглядом графа на тибетца как на лидера и что «местное начальство ухватилось за эту идею, видя в ней единственное средство прекратить всякую связь с Монголией» [Цыремпилов 2013: 71]. Именно Рагузинский «намечал выдающихся *среди нашего населения тибетцев* (курсив мой. – И. В.) в будущие духовные иерархи» [Дандарон 2006: 27–28].

В одной из хроник говорится: «*Для распространения религиозного учения лама Чойджи Агван Пунцок, тибетец... основал [должность] глав желтой религии в монастыре Цонгол-Брайбун в стране русских. С того времени до настоящей поры эту должность продолжают занимать (ламы) с титулом Пандита-хамбы*» (курсив мой. – И. В.) [Там же: 27–28].

И если «ученик Агвана Пунцока – Дамба-Даржа Заяев» [История Бурятии 2011: 171], то это полноценное свидетельство преемственности. Родившись в Тибете и прожив жизнь в России, Чойджи Нгаванг Пунцог оставил здесь заметный след. Высказывание современного автора может не соответствовать реалиям того времени, но оно-то и является свидетельством доброй памяти: «Тибетский ученый лама Агван-Пунцок, приглашенный вместе с тибетскими и монгольскими ламами *бурятским народом* (курсив мой. – И. В.) для распространения Учения Будды» [Ванчикова 2006: 115 (прим.)]. Не одно десятилетие он руководил делами сангхи Забайкалья. Консультировал русских и иностранных ученых. Лечил больных. Умно разрешал сложные ситуации, неизбежные во все времена. Учил Дхарме. По этой причине имя его предвосхищает ряд бурятских буддийских иерархов, ничуть не умаляя их величия, но лишь подчеркивая глубокое уважение современного духовенства к своим истокам.

Источники и литература

АВПРИ. Ф. «Сношения России с Китаем». 1729. – Л. 291–291об.

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 408. Л. 48.

Аюшеева Л. В. Тибетская медицина в России / Л. В. Аюшеева. – Улан-Удэ: Ринпоче Багша, 2007. – 164 с.

Бараев В. В. Дерево: декабристы и семейство Кандинских / В. В. Бараев. – М.: Политиздат, 1990. – 272 с.

Ванчикова Ц. П. История бурятского буддизма: письменные источники / Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 147 с.

Васильева И. Г. Из хронологии института Хамбо-лам Восточной Сибири / И. Г. Васильева // *Buddism of Russia*. – 2005. – № 39. – С. 135–148.

Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах / В. П. Гирченко. – Улан-Удэ: Гос. Бурят-Монг. изд-во, 1939. – 90 с.

Гусиноозерская экспедиция П. С. Михно 1927 г. (Динамика природных комплексов Гусиноозерской котловины и аспекты культурного наследия Селенгинского среднегорья) / под ред. Э. А. Батоцыренова. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2016. – 168 с.

Дандарон Б. Д. Из истории бурятских дацанов (бурятская историческая хроника) / Б. Д. Дандарон // Дандарон Б. Д. Избранные статьи. Черная тетрадь. – СПб.: Евразия, 2006. – С. 26–31.

Жалсараев А. Д. Время. События. Люди. Хронологический перечень дат и фактов из истории этнической Бурятии (эпоха неолита – 2010 г.) / А. Д. Жалсараев. – Улан-Удэ: ОАО «Респ. типография», 2011. – 408 с.

История Бурятии (XVII – начало XX в.). Т. 2 / Л. Л. Абаева [и др.]; отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. О. В. Бураева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 621 с.

Краткая история о том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле и о биографиях некоторых лам / пер. Ц. П. Ванчиковой // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2011. – С. 176–185.

Краткая история шести отоков и восьми отцов / пер. Ц. П. Ванчиковой // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2011. – С. 162–176.

Лихач Е. Бухгольц Иван Данилович. Т. 3 / Е. Лихач // РБС: Бетанкур-Бякстер. – СПб.: Тип. Главного упр. уделов, 1908. – 699 с.

Никитин А. Л. Военный Селенгинск первой половины XVIII века / А. Л. Никитин // Историческое, культурное и природное наследие. – Улан-Удэ, 2004. – С. 41–54.

Сергеев М. Д. Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого / М. Д. Сергеев. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1989. – 256 с.

Синицын Ф. Л. Красная буря: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. / Ф. Л. Синицын. – СПб.: Изд. А. Терентьева и фонда «Сохраним Тибет», 2013. – 527 с.

Сказание о хождении в Тибет пандита хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода / пер. Ц. П. Ванчиковой // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. – С. 186–197.

Тобын Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / Т. Тобын // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Курумканская тип., 1995. – 197 с.

Ухтомский Э. Э. Из области ламаизма: К походу англичан в Тибет / Э. Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропеч. «Восток», 1904. – 129 с.

Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – начало XX в.): учеб. пос. / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. – 136 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.) / Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. – 338 с.

Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов / В. Юмсунов // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Курумканская тип., 1995. – 197 с.